

© 2017 г.

Академик В.С. МЯСНИКОВ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА КИТАЕВЕДЕНИЯ.

**(Доклад на конференции Европейской ассоциации китаеведов,
Санкт-Петербургский государственный университет, 24 августа 2016 г.)**

Глубокоуважаемые коллеги, дамы и господа! Для меня большая честь и огромная радость от имени Отделения исторических и филологических наук Российской академии наук приветствовать конференцию Европейской Ассоциации китаеведов здесь, на берегах Невы, в одном из прекраснейших городов мира – Петербурге!

Антон Павлович Чехов, избранный в 1900 г. почетным академиком Российской императорской Академии наук по Разряду изящной словесности, отметил в своей записной книжке: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения, что же национально, то уже не наука». Полностью соглашаясь с Антоном Павловичем, я считаю, что можно и нужно говорить о национальных научных школах и их месте в мировой науке. Более того в национальных школах формировались отраслевые школы, носившие имена их основателей и лидеров. Например, Энрико Ферми был основателем научных школ в Италии и в США. Не случайно в Чикагском университете стоит памятник ему в виде огромной головы того, кто создал первый в мире ядерный реактор и осуществил на нем первую в мире ядерную цепную реакцию.

В развитии мирового китаеведения огромную роль сыграли: школа Дж.К. Фейербенка в США, школа Дж. Нидэма в Великобритании, школа академика Василия Михайловича Алексеева в нашей стране. И, разумеется, научные школы наших китайских коллег и учителей, как, например, школа профессора Дай И в изучении того периода истории Китая, когда у власти была династия Цинь.

Итак, востоковедение и китаеведение, как его отрасль, являются мировыми науками. Они заявили о себе как отрасли знания мирового уровня в конце XIX столетия, когда начали проводиться всемирные конгрессы ученых-востоковедов. Гуманистическая деятельность ученых-востоковедов потребовала объединения усилий, взаимного ознакомления и обмена результатами исследований. В 1872 г. они собрались в Париже на свой первый конгресс, а в 1874 – в Лондоне на второй. В 1876 г. в Петербурге прошел третий. Выбор Петербурга был закономерным.

Отечественное востоковедение с момента основания Российской Академии наук исследует различные аспекты проблемы «Восток и Россия». Являясь комплексной, эта проблема требует синтеза результатов, получаемых такими дисциплинами, как история, филология, философия, психология, экономика, международные отношения, культуроведение, демография, антропология и генетика. Первыми источниками сведений о Китае в Русском государстве были отчеты посольств и миссий, направлявшихся в Пекин для установления дипломатических и торговых отношений с Китаем. Среди них наибольший научный интерес представляли «Роспись» Ивана Петлина (1618–1619), «статейные списки» Ф.И. Байкова (1654–1657) и Н.Г. Спафария (1675–1677), дневники Избранта Идеса и Адама Бранда (1692–1695)¹. Эти доку-

Мясников Владимир Степанович – академик Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. (Москва, Россия).

¹ См.: *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966; *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). Вступительная статья, перевод

менты, ставшие памятниками дипломатической истории, содержали разнообразную информацию о Китае и сопредельных странах, о политическом положении Цинской империи. Мировая географическая наука обогатилась открытиями первостепенной важности – были проложены пути из Европы в Китай через Сибирь, Монголию и Маньчжурию². Интерес к этим наиболее ранним русским описаниям Китая и ведущих в него маршрутов был исключительно велик. Уже в XVII в. они неоднократно издавались и переиздавались в большинстве европейских столиц на английском, немецком, французском, голландском и латинском языках³.

Петербургское научное китаеведение зародилось как часть европейской синологии. Первые публикации выпускались на латыни или на немецком языке. Первым академиком-китаеведом стал приглашенный в 1725 г. из Германии китаевед-филолог Теофил Зигфрид Байер (1694–1738). Т.З. Байер был автором первой в Европе грамматики китайского языка. В Петербурге им был выполнен ряд компилятивных работ по Китаю, однако он «не сделал даже попыток, живя среди русских, изучить русский язык и подготовить себе преемника, хотя Устав Академии наук к этому обязывал всех академиков»⁴. Во время визита в Петербург первого китайского посольства 1732 г. Т.З. Байер встречался с приглашенными в Академию цинскими дипломатами. Он поддерживал беседу с посланцами Пекина, но на каком языке они говорили – китайском, маньчжурском или латинском – неизвестно. В числе подарков каждому из китайских послов была вручена и книга Т.З. Байера «*Museum Sinicum*»⁵.

На формирование русской школы китаеведов огромное влияние оказала Русская духовная миссия (РДМ) в Пекине, деятельность которой была официально обусловлена 5-й статьёй Кяхтинского трактата 1727 г. России предоставлялась возможность, помимо лиц духовного звания, «для обучения языков» направлять в Пекин «четыре мальчика учеников, и два побольшего возраста, которые по-русски и по-латыни знают»⁶. Около 120 лет, вплоть до 1860 г., Русская духовная миссия в Пекине являлась одновременно и дипломатическим представительством России, и своеобразным учебным центром практического изучения китайского, маньчжурского и других языков Китая и соседних с ним стран. За это время в ней побывало более 60 студентов, врачей, художников и около 100 человек священнослужителей⁷.

Несмотря на различного рода трудности, именно из стен Пекинской духовной миссии вышли первые русские ученые-китаеведы. Крупнейшими среди которых в XVIII в. по праву должны быть названы И.К. Россохин и А.Л. Леонтьев. Вернувшийся в 1740 г. из Пекина И.К. Россохин по указанию Коллегии иностранных дел был направлен в распоряжение Академии наук, в штаты которой и был зачислен 22 марта 1741 г. «для перевода и обучения китайского и маньчжурского языков». С именем И.К. Россохина связано и образование китайского фонда библиотеки Академии наук, которая приобрела из его личной библиотеки свыше ста книг⁸. В 1757 г. к И.К. Россохину в Академии наук присоединился А.Л. Леонтьев, перу которого принадлежат первые переводы на русский язык

и комментарии М.И. Казанина. М., 1967, Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. 1608–1683, т. I. М., 1969.

² Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925; Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., 1971.

³ Об иностранных изданиях этих отчетов см. соответствующие разделы работ, упомянутых в сносках 1–2.

⁴ Скачков П.Е. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (краткий очерк). – Международные связи России в XVII и XVIII вв. М., 1966, с. 163.

⁵ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 36.

⁶ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. Под общ. ред. академика В.С. Мясникова. М., 2004, с. 44.

⁷ Скачков П.Е. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв., с. 163.

⁸ Меньшиков Л.Н., Чуевский Л.И. Китаеведение. – Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972, с. 81–82.

двух книг «Сышу» («Четверокнижия») – «Дасюэ» и «Чжунъюн»⁹, а также ряда трудов по истории. Основной работой И.К. Россохина и А.Л. Леонтьева был переведенный ими совместно и опубликованный в 1784 г. Российской Академией наук капитальный труд – 16-томное «Бацитунчжи» («Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в восьми знаменах состоящего»).

Петербургское Китаеведение заняло лидирующие позиции потому, что именно в столице России были и Коллегия (Министерство) иностранных дел, где требовались специалисты по Китаю, и Академия наук, которая вела исследования Китая и, наконец, и Священный Синод, который отправлял миссионеров в Пекин. Причем Академия наук давала миссионерам такие поручения научного характера как, например, вести астрономические наблюдения. В Петербурге при Академии наук открылась просуществовавшая 10 лет (1741–1751) школа китайского и маньчжурского языков, которую возглавлял И.К. Россохин. В 1762 г. была сделана новая попытка наладить преподавание китайского и маньчжурского языков: на сей раз руководство школой было поручено А.Л. Леонтьеву. Свидетельством огромного интереса, который проявлялся в русском обществе к Китаю, являются 120 книг и статей по китайской проблематике, опубликованных в России в течение XVIII в.¹⁰

Новый этап в развитии петербургского Китаеведения начинается в первые десятилетия XIX в. В числе событий, повлиявших в дальнейшем на активизацию востоковедных исследований, следует упомянуть принятие в 1803 г. нового «Регламента» Академии наук¹¹ и первого устава российских университетов (1804 г.), включавшего востоковедение в разряд учебных дисциплин.

Глава Русской духовной миссии Н.Я. Бичурин свое 14-летнее пребывание в Пекине (1807–1821) целиком посвятил изучению Китая, его языка, истории, географии, нравов и обычаев страны. За это время им были написаны все основные труды, впоследствии изданные в Петербурге, или подготовлены исчерпывающие материалы для них. Основной целью научной деятельности Н.Я. Бичурин считал создание максимально точной и полной картины современного ему Китая и сопредельных стран Дальнего Востока и Центральной Азии. «Я привык писать одно дельное, высказываться откровенно, и притом в коротких словах», – говорил Н.Я. Бичурин о своем подходе к изучению Китая¹². Первый же труд Н.Я. Бичурина стал свидетельством качественно нового этапа в истории отечественного Китаеведения, так как он был основан на источниках китайского происхождения. Н.Я. Бичурин как и его современник британский Китаевед Роберт Моррисон стал одним из основоположников методологии мирового научного Китаеведения¹³.

В середине XIX в. в миссии обучались те, кому было суждено приумножить славу отечественного Китаеведения, развить в нем все лучшее, что было заложено трудами Н.Я. Бичурина: А. Честной, В.В. Горский, К.А. Скачков, Э.В. Бретшнейдер, П. Кафаров, И.И. Захаров, В.П. Васильев – столь блестящего созвездия ученых, одновременно работавших в различных областях Китаеведения¹⁴, не знала, пожалуй, ни одна из национальных синологических школ в мире.

⁹ «Сышугеи», то есть четыре книги с толкованиями. Книга первая философа Конфуциуса. Перевел с китайского и маньчжурского на русский язык надворный советник Алексей Леонтьев. СПб., 1780; «Джун-юн», то есть закон непреложный. Из преданий китайского философа Кун Дзы. Перевел с китайского и маньчжурского на российский язык Коллегии иностранных дел канцелярии советник Алексей Леонтьев. СПб., 1784.

¹⁰ Скачков П.Е. История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв., с. 173.

¹¹ История Академии наук СССР, т. 2. М. – Л., 1964, с. 663–686.

¹² Московитянин, 1848, № 9, с. 4.

¹³ Myasnikov V.S. Robert Morrison and Nikita Y. Bichurin: Founders of Science-Based Sinology in the West. – Challenging Narratives: Blind Spots of Sinology. Wien – Zurich, 2015, p. 9–18.

¹⁴ Об исследованиях русских Китаеведов в смежных областях востоковедения см. работы М.П. Волковой «Маньчжуроведение»; М.И. Воробьевой-Десятковской и Л.С. Савицкого «Тибетоведение» в книге «Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР».

Тем не менее, несмотря на достигнутые успехи, к середине XIX в. Русская духовная миссия исчерпала возможности совершенствования подготовки востоковедческих кадров. Один за другим правительству представляются проекты реорганизации университетского преподавания востоковедческих дисциплин. Наконец, в октябре 1854 г. последовал указ о создании Восточного факультета Петербургского университета, во главе которого встал выдающийся знаток Китая, его истории, общественной мысли, языка и обычаев — Василий Павлович Васильев¹⁵.

Этапным событием в развитии отечественного востоковедения было открытие в Петербурге в 1818 г. Азиатского музея — крупного хранилища бесценных восточных рукописей и манускриптов¹⁶.

Академик В.П. Васильев — выдающийся китаевед был основателем многих новых направлений не только в синологии, но и в отечественном востоковедении вообще. Его труды, с одной стороны, как бы восполнили те пробелы, которые были в нашей науке о Китае, а с другой — заложили прочный фундамент русской буддологии, истории китайской литературы, источниковедения истории Китая. Научное наследие В.П. Васильева огромно. Исключительно глубокие знания китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского языков и санскрита определили не только широту диапазона исследований, но и уникальность источниковедческой основы трудов В.П. Васильева.

Характерной чертой творчества В.П. Васильева являлось критическое отношение к источникам, стремление переосмыслить их данные для установления истинности фактов. В своей «Автобиографии» В.П. Васильев отмечал, что еще в студенческие годы в Казанском университете слова профессора О.М. Ковалевского «не преклоняться в отыскивании истины перед авторитетом, подвергать критике *sine ira et studio* (без раздражения, усердно работая), совершившиеся или рассказываемые факты, не предполагаю никакого вопроса решенным на век, запали глубоко в мою душу, были руководителями всех моих симпатий и антипатий»¹⁷.

В.П. Васильев публикует серию фундаментальных исследований в области истории Китая и сопредельных стран, куда вошли «История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в.» (1859), «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин» (1863), «О движении магометанства в Китае» (1867), «Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии» (1868)¹⁸. Опубликованная В.П. Васильевым в 1873 г. книга «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм» явилась обобщением многочисленных предварительных исследований, которые автор начал, будучи студентом Русской духовной миссии в Пекине. Следующим обобщающим трудом В.П. Васильева были «Очерки китайской литературы», увидевшие свет в 1880 г. Немаловажную роль в подготовке этой книги сыграл прочитанный В.П. Васильевым на Восточном факультете Петербургского университета впервые в Европе курс лекций по истории китайской и маньчжурской литературы¹⁹.

В конце 70-х годов В.П. Васильев предложил подписать с Китаем договор, проект которого он направил правительству. Договор должен был начинаться следующей преамбулой: «Два великих соседних государства представляют для всего света небывалый пример самых дружеских, не нарушенных ни разу в продолжении 230 с лишком лет сношений». Пункт первый (из 16) гласил: «Друг одного государства будет другом

¹⁵ Куликова А.М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982.

¹⁶ Об этом см.: Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.

¹⁷ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. IV, отд. II. СПб., 1895, с. 150.

¹⁸ О значении исторических работ В.П. Васильева в русской историографии Китая см.: Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, с. 11–14.

¹⁹ Эйдлин Л.З. К 90-летию выхода в свет первого очерка истории китайской литературы. — Страны и народы Востока, вып. II. М., 1970.

и другого, враг одного будет врагом и другого». Общий смысл договора был выражен им китайской поговоркой: «И дэ и синь» («Одни помыслы, одно сердце»)²⁰.

В.П. Васильевым был создан «Китайско-русский словарь», поиск слов в котором определялся графической системой китайских иероглифов²¹. Хочу особенно отметить, что изданный в 1867 г. в Петербурге этот словарь, в 2010 г. получил новое репринтное переиздание, подготовленное Институтом Конфуция и Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета. Это блестящее свидетельство того, что связь времен в Петербургском китаеведении не распалась.

Когда 20 августа 1876 г. в Петербурге начал работу III Международный конгресс ориенталистов, академик Василий Павлович Васильев был избран председателем I отдела конгресса, а его выступления на конгрессе привлекли большое внимание²². На V Международном конгрессе ориенталистов в Берлине в 1881 г. В.П. Васильев, присутствовавший в составе русской делегации, был избран вице-президентом Дальневосточной секции.

Среди выдающихся русских китаеведов второй половины XIX в. особое место занимают современники В.П. Васильева — П. Кафаров и И.И. Захаров, каждый из которых, внося новое в какое-либо из направлений китаеведения, в то же время стоял на вершине всего комплекса знаний о Китае, достигнутых мировой востоковедческой наукой. Именно их работы положили начало дифференциации отечественного китаеведения, появлению таких его направлений, как исследование социально-экономической истории Китая, его идеологии, создание обобщающих филологических трудов.

П. Кафаров находился в Пекине в составе трех миссий, две из которых он возглавлял. Круг его научных интересов необычайно широк. Каждому китаеведу и сегодня известен китайско-русский словарь П. Кафарова и П.С. Попова, ставший классическим образцом труда по китайской филологии второй половины XIX в. И этот словарь был переиздан в 2010 г. в Петербурге заботами и трудами Института Конфуция и Восточного факультета. Не менее значительны исследования архимандрита Палладия по истории Монголии, выполненные на основании глубокого изучения китайских источников²³, а также личных наблюдений во время поездок через Монголию в 1847 и 1859 гг.²⁴ П. Кафаров был первым китаеведом, побывавшим в Уссурийском крае и объяснившим историю его древностей²⁵.

И.И. Захаров известен главным образом как автор непревзойденных «Полного маньчжурско-русского словаря» и маньчжурской грамматики²⁶. Но он был и первым в России и в Европе китаеведом, проводившим исследования земельной собственности в Китае²⁷. Не менее интересна работа И.И. Захарова по исторической демографии Китая²⁸. Многие годы своей жизни И.И. Захаров отдал дипломатической работе в Китае, а также преподаванию маньчжурского языка в Петербургском университете, профессором которого он был.

²⁰ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения, с. 228.

²¹ По этой системе издавались и многие словари в нашей стране, в том числе и четырехтомный «Большой китайско-русский словарь» под ред. И.М. Ошанина.

²² Труды III съезда ориенталистов, т. I. СПб., 1879–1880, с. XXIV – XXXV.

²³ Академик Б.Я. Владимирцов назвал П. Кафарова «тонким и умелым знатоком источников по истории монголов». — Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 9.

²⁴ Дорожные заметки на пути в Монголию в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия. СПб., 1892.

²⁵ Ларичев В.Е. Путешествие в страну восточных иноземцев. Новосибирск, 1973.

²⁶ Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875; изд. 2-е. Пекин, 1939; его же. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1875.

²⁷ Захаров И. Поземельная собственность в Китае. — Труды членов Российской духовной миссии, т. II. СПб., 1853.

²⁸ Захаров И. Историческое обозрение народонаселения Китая. — Труды членов Российской духовной миссии, т. I. СПб., 1852, с. 247–360.

В первом десятилетии XX в. на Восточном факультете Петербургского университета успешно работали П.С. Попов, А.И. Иванов, А.Е. Любимов, В.Л. Котвич, начал свой творческий путь В.М. Алексеев. В этот же период русская наука вносит огромный вклад в изучение географии, этнографии и археологии Китая и окраинных территорий Цинской империи. Экспедиции Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, П.К. Козлова, В.И. Робровского, Д.А. Клеменца открыли науке огромный центрально-азиатский мир во всем величии его истории и трагизме современного состояния.

Следует отметить, что подавляющее большинство старых востоковедов, будучи патриотами своей страны, лояльно отнеслись к Советской власти²⁹. На поиски ими путей к новому востоковедению, несомненно, влияло знание всех недостатков старой русской ориенталистики. Академик С.Ф. Ольденбург, оценивая состояние дореволюционного русского востоковедения, писал в 1918 г.: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд, все это встречаешь с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды “первых” томов, “первых” выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузавершенных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний»³⁰.

Весь опыт развития русской науки диктовал необходимость принять активное участие в **создании новой востоковедческой школы**. Результаты организаторской деятельности в области востоковедения не замедлили сказаться. Оживилась востоковедческая пресса: начали выходить журналы «Восток» (в Ленинграде) и «Новый Восток» (в Москве), а также «Новый Дальний Восток» (во Владивостоке). Появились первые исследования по Китаю, основанные на марксистской методологии: такие как «Китай и Советская Россия».

В 1930 г. в Ленинграде был организован Институт востоковедения АН СССР. Руководителем Китайского отделения стал только что отметивший 25-летие научной деятельности и избранный действительным членом Академии наук СССР В.М. Алексеев³¹. Это время характерно появлением большого количества монографических исследований, главным образом в области новейшей истории Китая³². Конечно, классическое востоковедение в России после революции отошло на вторые позиции, уступив исследованиям современности. Организационно это было закреплено переездом в 1950 г. Института востоковедения, головного исследовательского учреждения СССР, из Ленинграда в Москву.

В предвоенный период в ленинградском востоковедении наметилась тенденция к комплексному изучению Китая, Индии, Турции, Ирана, Японии – их многовековой истории, культуры, внешних связей, филологии. Работы В.М. Алексеева, Н.И. Конрада, И.А. Орбели, И.Ю. Крачковского, В.В. Бартольда, С.А. Козина, Ю.К. Щуцкого, Н.А. Невского, А.А. Петрова, К.К. Флуга, П.Е. Скачкова и многих других составили золотой фонд советского востоковедения, упрочили позиции отечественной науки в мировом востоковедении. Мировое значение, например, имели фундаментальные исследования Николая Александровича Невского в области тангутской филологии, за которые автор посмертно в 1962 г. был удостоен Ленинской премии.

²⁹ Никифоров В.Н. Указ. соч., с. 76–77.

³⁰ Ольденбург С.Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818–1918. – Известия Российской академии наук, 1918, с. 531.

³¹ Некоторые даты жизни и деятельности В.М. Алексеева, отмеченные им самим, см.: Литература и культура Китая. Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева. М., 1972, с. 156.

³² См. соответствующие разделы работы П.Е. Скачкова «Библиография Китая» (М., 1960), первое издание которой было подготовлено также в начале 30-х годов и опубликовано в 1932 г.

После Второй мировой войны коренные изменения в Азии, крах колониальной системы, образование Республики Индия, Пакистана, Китайской Народной Республики, КНДР и КР, неизмеримо расширили поле деятельности специалистов-китаеведов, поставили перед востоковедением принципиально новые задачи. И советская востоковедческая наука, мобилизовав все силы, решает эти задачи. Например, если с 1917 по 1949 г. было опубликовано около 100 различных книг по Китаю, то лишь за восемь лет, с 1950 по 1957 г., это число достигает 447 книг, изданных тиражом 23 млн экземпляров, а за два последующих года это количество увеличилось еще на 242 книги³³. На русский язык были переведены многие крупные произведения китайской литературы, изданные затем на 28 языках народов СССР тиражом более 20 млн экз.³⁴

В их числе увидели свет: «Движение за реформы в Китае и Кан Ювэй» выпускника Восточного факультета С.Л. Тихвинского (1959), «Китайско-русский словарь» под редакцией И.М. Ошанина (1952, 1955), который являлся продолжением работы в этой области, организованной В.М. Алексеевым еще в 40-е годы, второе издание «Библиографии Китая» ученика и сотрудника В.М. Алексеева П.Е. Скачкова (1960). В 1950–1953 гг. было великолепно переиздано трехтомное «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Н.Я. Бичурина.

Расширился прием в Московский институт востоковедения, а также на соответствующие факультеты Московского и Ленинградского университетов, преподавание востоковедческих дисциплин открылось в Ташкентском университете и ряде ведомственных институтов.

Но в 1954 г. Н.С. Хрущевым был закрыт один из старейших учебных центров Московский институт востоковедения³⁵. Научно-исследовательская работа в это время развивается в филиале Института востоковедения в Ленинграде, в Институте востоковедения в Москве, в Институте китаеведения в Москве. Востоковедческие кафедры, группы, отделения, секторы были созданы в академиях наук многих союзных республик. Но в 1960 г. все тот же Хрущев распорядился закрыть совсем недавно созданный Институт китаеведения АН СССР.

Наше китаеведение в последние годы развивается быстрыми темпами. Это обусловлено тем уровнем взаимоотношений нашей страны с КНР, который характеризуется руководителями двух наших стран, как наилучший за всю историю российско-китайских связей. Большую роль играет и рост интереса граждан России к Китаю, его языку, истории, культуре, экономическим и научным достижениям. Расширилось количество вузов, в которых преподаются китаеведческие дисциплины, но все равно количество желающих поступить в них значительно превышает количество мест. Например, в МГУ китайский язык преподается уже на семи факультетах. В нашей стране 18 Институтов Конфуция. Причем Институт Конфуция в Петербургском университете входит в тройку наиболее успешных в мире.

Расширились и исследования Китая в институтах Российской Академии наук. Бывший филиал Института востоковедения РАН в Петербурге преобразован в самостоятельный Институт восточных рукописей РАН. Университетская и академическая наука сегодня тесно взаимодействуют не только в учебном процессе, но и в решении крупных научных задач. Их интеграция дает существенные результаты. В Петербургском университете создан Центр изучения Китая. О результатах судят по количеству и качеству печатной продукции. Приведу несколько примеров.

В последние годы в полном объеме увидели свет труды основателя современного петербургского китаеведения академика Василия Михайловича Алексеева. В серии «Классики отечественного востоковедения» были опубликованы его работы по ки-

³³ Вяткин Р.В. Синология, с. 20 (рукопись).

³⁴ Вяткин Р.В., Думан Л.И. Синология. Советская историческая энциклопедия, т. 12. М., 1969, с. 890.

³⁵ См. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт. Московский институт востоковедения. М., 2015.

тайской литературе (т. 1, 2002 г.; т. 2, 2003 г.) и в 2008 г. его классический труд «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908)». Кроме того, в 2010 г. в Петербурге была издана монография В.М. Алексеева «Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая». Читатели получили и «Шедевры китайской классической прозы» в переводах В.М. Алексеева (М., 2006, кн. 1). Благодаря усилиям ученика В.М. Алексеева академика Б.Л. Рифтина издана книга дочери В.М. Алексеева М.В. Банковской «Василий Михайлович Алексеев и Китай. Книга об отце» (М., 2010).

Большая работа была проведена по переводу и публикации уголовного законодательства Китая эпохи Тан³⁶. Итогом этого упорнейшего труда д.и.н. В.М. Рыбакова стала его двухтомная монография «Танская бюрократия»³⁷. Кстати, соответствующие тома по китайскому средневековью в «Истории Китая» в 10 томах (проект академика С.Л. Тихвинского) готовит д.и.н. профессор И.Ф. Попова, директор Института восточных рукописей РАН. Ряд интересных статей по Китаю читатель найдет и в журнале «Письменные памятники Востока», который издается этим институтом.

Публикация источников по истории отношений России с Китаем занимает одно из приоритетных направлений развития нашего китаеведения. В этом году исполняется 48 лет изданию серии документов и материалов «Русско-китайские отношения. Материалы и документы. XVII – XX вв.». Сейчас очередные тома этой серии по XIX в. готовятся сотрудниками Восточного факультета Петербургского университета.

Что касается исследования культуры Китая, то завершено издание энциклопедии «Духовная Культура Китая», в подготовке которой участвовал большой коллектив сотрудников Института восточных рукописей РАН и Петербургского университета. Издана и «История искусства Китая» профессора М.Е. Кравцовой (СПб., 2004). Несомненный интерес представляют монографии профессора, д.и.н. А.Г. Сторожука «Введение в китайскую иероглифику» (СПб., 2005) и «Три учения и культура Китая» (СПб., 2010). К этой же тематике относится и монография д.ф.н. И.Т. Зограф «Официальный вэньянь» (М., 2010). Безусловно, нужно упомянуть имена Б.И. Панкратова, В.С. Колоколова, Л.Н. Меньшикова, Е.И. Кычанова, А.С. Мартынова, труды которых внесли большой вклад в русское и европейское китаеведение.

В области истории Китая успешно ведется издание 10-ти томной «Истории Китая» под руководством выпускника Восточного факультета Ленинградского университета академика С.Л. Тихвинского. Издано уже 5 томов и в издательстве находится еще четыре тома. Большим событием было издание сочинений академика С.Л. Тихвинского в шести томах и публикация его книги «Восприятие в Китае образа России» (М., 2008).

Перспективы развития нашего китаеведения зависят от общего состояния науки в нашей стране. Сегодня финансирование ведется по проектам. Предстоит еще развернуть работу по изучению состояния мирового китаеведения и важнейшей его части: трудов наших китайских коллег. Отдельно стоит задача перевода на русский язык современной китайской литературы – прозы и поэзии. Здесь успешно развивается совместный российско-китайский проект – перевод и издание 100 китайских современных романов в России и перевод на китайский язык и издание в КНР 100 романов российских писателей.

Наша главная задача – углубление взаимопонимания между нашими народами. Сегодня, когда происходят контакты сотен тысяч граждан РФ и КНР, российские граждане должны знать историю, экономику, законодательство, традиционную и со-

³⁶ Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8. Перевод, введение и комментарий В.М. Рыбакова. СПб., 1999; Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 9–16. СПб., 2001; Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 17–25. СПб., 2005.

³⁷ Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура. СПб., 2009; *его же*. Танская бюрократия. Ч. 2. Правовое саморегулирование, т. I – 2. СПб., 2013–2015.

временную культуру Китая, его народные обычаи, особенности этикета. Долг российских китаеведов дать нашему народу эти знания.

В 2018 г. мы вместе с китайской стороной будем отмечать две знаменательные даты: 1 сентября 400-летие установление дипломатических связей России с Китаем и 1 октября 40-летие реформ, превративших Китай в одного из лидеров современного мира.

В заключение хочу кратко остановиться на одном явлении, обеспокоившем нашу общественность. Все мы — пользователи Интернета. И вот в Сети появилась статья А. Габуева «Государство ушло из китаистики. Что осталось от российской школы китаеведения?»³⁸. Она вызвала еще одну статью китайского востоковеда Янь Годуна³⁹.

Янь Годун участвовал в переиздании книги академика В.П. Васильева «Очерк истории китайской литературы», которое было осуществлено питерскими китаеведами в 2013 г. Переиздание этого труда включает и полный его перевод на китайский язык. Этот перевод был выполнен Янь Годуном (Институт Конфуция в СПбГУ, 2013).

Знакомство с упомянутыми статьями показывает, что главным признаком «кризиса» нашего китаеведения оба автора считают недостаток его финансирования. Но они не упоминают о том, сколько основных трудов по Китаю было профинансировано Российским гуманитарным научным фондом и не пишут о том, что в Фонде есть финансируемые им совместные китайско-российские проекты и на все это государство отпускает большие суммы. В русском языке есть такой термин — нытики, это люди все время жалующиеся на что-то. А.П. Чехов в «Рассказе неизвестного человека» писал: «Наше поколение воплощено состоит из неврастеников и нытиков». Я хотел бы ответить современным нытикам словами известнейшего петербуржца писателя Д.А. Гранина: «Взялся, так будь добр, служи честно, тяни до конца и не ной, не жалуйся» (Однофамилец).

О том, что нытье это не имеет под собой никаких оснований, свидетельствуют глубокая аналитическая коллективная монография под редакцией д.и.н. Н.Л. Мамаевой «Основные направления и проблемы российского китаеведения» (М., 2014) и работа ученицы П.Е. Скачкова В.П. Журавлевой, которая опубликовала продолжение труда своего наставника: «Библиография Китая»⁴⁰.

Итак, петербургская школа синологии — основа русского китаеведения. Она стоит на прочном фундаменте бичуринского отношения к китайским источникам, васильевского подхода к отношениям России с Китаем и алексеевского взгляда на китайскую культуру в контексте других мировых культур. Пожелаем всем коллегам этой школы, у которых мы в гостях, дальнейших успехов на благо русского и европейского китаеведения. И, разумеется, полного успеха нашей Конференции и всем ее участникам здоровья, благополучия и творческого подъема!

³⁸ <http://www.kommersant.ru/doc/2593673>

³⁹ Янь Годун. Кризис российского китаеведения. — Общественные науки за рубежом, 2015, № 6.

⁴⁰ Журавлева В.П. Библиография Китая. Философия и общественно-политическая мысль. Этика. Эстетика. Военная мысль. Мифология. Религия. 1958–2008. М., 2015.